

**В**ера сняла очки и потерла усталые веки. Сегодня ее «гэшники» писали сочинение о смысле жизни. Хотелось знать, чем живут ее будущие выпускники, их мечты, фантазии, размышления. Вера любила смотреть в их чистые, открытые глаза: иногда чуть дерзкие, иногда пугливо беспомощные и по-детски беззащитные. В них прятался целый мир ожиданий, мечтаний, еще не совершенных ошибок, пока не сбывшихся надежд.

Пришлось взять тетради для проверки домой. Иначе не успеть.

Стукнула дверь, пришла Викуся. Пятнадцатилетняя дочь не любила, когда ее так называли. Предпочитала, чтобы к ней обращались полным именем — Виктория или хотя бы Вика. Никто и не спорил. Но в душе для Веры она все равно была Викусей, единственным и самым дорогим для нее человечком, смыслом жизни. Вика торопливо прошла в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Вскоре послышались редкие всхлипывания. Вера тихонько подошла к двери, прислушалась. Плачет.

С тех пор, как они остались вдвоем, Вера старалась заменить дочери и отца, оставившего их ради другой женщины, и любимую бабушку, недавно ушедшую в мир иной. Как это получалось и получалось ли?.. Кто знает, но они чаще стали разговаривать по душам, делились своими переживаниями и победами, в выходные дни выбирались за город отдохнуть от суеты.

Вера приоткрыла дверь и осторожно протиснулась в крохотную комнатку. Дочь в одежде лежала на кровати, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в подушку. Сомнений не было: эти слезы из-за одноклассника и друга — Стаса. Работая в школе, Вера Антоновна держала в поле зрения их отношения. Не мешала, боясь навредить, но особо и не поощряла: рано еще. Нельзя сказать, чтобы Стас ей нравился: троечник, хоть и «твердый», ходил с гордо поднятой головой и не давал спуска даже старшеклассникам. Но была в нем какая-то мужская основательность. Мог запросто починить малышне велосипед, подкачать колеса. Никого не обижал без особых на то причин. Всегда имел свою точку зрения. К Вериному удивлению, Вика, привыкшая к повышенному вниманию и дома, и в школе, при Стасе становилась мягче и покладистой. Однажды, после Вериного урока по русскому языку, она долго собирала свой портфель, одновременно разговаривая и смеясь с подругами.

— Хватит болтать, пошли домой! — не зло, но строго произнес Стас, и дочь, наскоро застегнув портфель, выбежала следом из класса. Вера тогда удивленно вскинула брови.

Вика со Стасом любили после уроков удлинить дорогу до дома: часто заходили в парк, где скрипели старые качели, кормили семечками прямо с ладоней пронырливых, бесстрашных белок. Но свободного времени у Вики было не так уж много: музыкальная школа, библиотека, внеклассные мероприятия, подготовка к конкурсам и олимпиадам. А если учесть, что она была очень ответственным человеком, то времени катастрофически не хватало.

Нынешняя весна выдалась теплой, нескупой на солнце. Рано проклюнулись проталинки-полянки, заершились зеленью газоны. Земля отдавала настой ароматов, собранных осенью. И казалось, не надышаться этим воздухом, как не напиться сладким березовым соком.

Вера сама разрешила Вике гулять перед сном, и вот...

— Ну, что у нас случилось? — спросила она тихонько, присаживаясь на кровать. — О чем, дева, плачешь? — пропела на ушко, пытаясь расшевелить дочь. Но та еще больше зарылась носом в свою подушку.

Резко звякнул телефон, и обе вздрогнули от неожиданности. Вика быстро вскочила и достала свой мобильник. Пришло сообщение. Она медленно повернулась к матери и показала телефон. «Спокойной ночи!» — высветилось на экране. Обычное, ничуть не романтическое пожелание, но сколько счастья было в ее покрасневших глазах! Прижавшись мокрым носом к матери, Вика долго не отпускала ее из своих объятий. Все встало на свои места: дочь, умывшись и выпив чаю, отправилась спать, пожелав доброй ночи матери, а та села к столу и включила настольную лампу. Оставалось проверить еще семь тетрадей. Хорошее число! Но очки так и остались в руках.

Мысли, одна за другой, побежали вспять, листая страницы прошлого. Вера долгие годы не позволяла себе так расслабиться: нагрузка в школе, домашние хлопоты, бытовые проблемы. И переложить эти заботы не на кого, тянула сама. А потому — не до воспоминаний.

...Тогда ей было столько же, сколько сейчас Викусе, пятнадцать. Жили они в маленькой деревне, но в большой семье. Только детей было четверо, а еще родители, бабушка. Каждый год из города на каникулы к своей бабушке приезжал паренек, Митька — стройный юноша со спортивной фигурой, золотистыми, как летнее солнце, волосами и редкими веснушками на лице. Небольшие, но живые и яркие серо-зеленые глаза обрамляли белесые ресницы. Губы были вечно обветрены, особенно пухлая нижняя. Не было в нем броской красоты. Но каким он был рассказчиком! Сколько занимательных историй знал! А при разговоре смеялся так, что заражал всех окружающих своим весельем. Потому, наверное, девчонки и заглядывались на него, а ребята старались быть в друзьях. Интересно же. Одного из них, Саньку, так и прозвали Санчо Панса за то, что он неотступно следовал за своим Дон Кихотом.

В то лето Митька собирался поступать в пединститут на физмат, готовился. По вечерам с ребятами играл в волейбол за ого-

родами. Там, на пустыре, была небольшая площадка. На ней — два столба и натянутая сетка. Без всяких хитростей. Поболеть или просто посмотреть на игру туда приходила и Вера с подружками. Но Митька особо их не замечал: салаги! Он был старше Веры на три года. Говорили, что увлекся девчонкой из соседней Макеевки — деревеньки, что почти примкнула к Вериной Сосновке. Это сейчас они стали одним селом, красиво растянувшись подле кромки смолистого бора. А тогда Макеевка стояла особняком, но школы там уже не было. Дети учились в Сосновке, проделывая ежедневно по два километра пути. Так что поздно вечером Митьке тоже приходилось мотать туда и обратно. Что поделаешь, влюбился! И странное дело, фамилии Митьки и этой девчонки были одинаковыми: Парфеновы. Бывает же так.

Сказать, что Вера сильно переживала — ничего не сказать. Она мучилась, не спала ночами, плакала. Куда делись ее беззаботность и веселость. Ну прямо болезнь какая-то. Однажды, не выдержав такого накала чувств, она рассказала все своей верной подружке Наташке. Та долго молчала, потом обняла Веру за плечи и спокойно сказала: «Подожди, Верка! Все будет хорошо!» Это потом, спустя много лет, когда у обеих уже были дети, она призналась подруге, что для нее Митька был такой же болезнью, как и для Веры. Но никогда и ничем Наташа не выдала себя и не помешала в дальнейшем развитию их отношений. А они все-таки были.

Однажды теплым вечером Митя почему-то пошел провожать подружек домой. То ли поссорился с Парфеновой, то ли километры устал мотать? Все вместе посидели на лавочке у Вериного дома, и Наташка вдруг подхватила и упорхнула, жила она напротив, через дорогу. С этого все и началось. Они встречались, много гуляли вместе, он рассказывал ей свои бесконечные истории, подлавливал на каких-то неожиданных вопросах. Потом вместе смеялись. Был и первый поцелуй. Проводив Веру до дома, Митя хотел войти во двор, но Вера неожиданно закрыла перед ним калитку.

— Что, выходной? — спросил Митя с улыбкой, и, потянувшись над калиткой, поцеловал ее в губы. — Это в счет компенсации за пропущенный вечер!

...Вера встала из-за стола, подошла к окну. Небо было по-весеннему ясным, луна висела так близко, что хотелось дотянуться рукой и снять ее. Как горох, по небу рассыпались звезды: где кучкой, где по одной. Не собрать и не сосчитать. На память пришли строчки:

Не смотри на меня, луна.

Не кори, что опять одна...

Митька, теперь уже Дмитрий, поступил в институт, учился нормально, успевал. Но главное, что его особенно интересовало, — это спорт. Он делал неожиданные успехи в легкой атлетике. Как говорил: «Прыганьем занимаюсь!». «Допрыгался» до того, что его взяли на сборы в Красноярск, потом в Свердловск. Занимал призовые места в региональных соревнованиях. Забросил свою физику и перевелся на факультет физической культуры и спорта.

Теперь он приезжал в деревню редко: не в каждые каникулы и ненадолго. Бывало, и летом, если не пропадал на сборах. Зато какие письма писал! Вера всегда удивлялась: по четыре тетрадных листа и в каждой строчке. Почерк у него был красивый, ровный. Да и грамотности некоторым ее ученикам стоило у Мити поучиться. Как-то раз Вера очень долго ждала ответа на свое письмо. Даже стала нервничать. Оказывается, он положил письмо в карман, чтобы отправить и забыл, сменив пальто на весеннюю куртку. Забил тревогу, когда не получил от нее ответа. А однажды пришло письмо из больницы. На сборах с Митей произошла неприятная история. Написал: «Мне раскроили голову, которую удачно зашили. Вот спишут из команды подчистую, и буду я ходить, как Иван Иванович!» Был в деревне такой убогий. С юмором у Митьки всегда было все в порядке, а она тогда даже заплакала немножко над его письмом. А как-то после мелкой ссоры забросал ее письмами: «Я ведь эти письма не пишу, а разговариваю с тобой, и в этом разговоре ты мне не возражаешь!»

Вере так вдруг захотелось перечитать все его письма, а их была целая пачка самых разных: нежных, глупых, смешных и добрых. Увы, мама, когда Вера вышла замуж, сожгла их, чтобы, не дай бог, не было неприятностей. Какие-то страницы Вера помнила

наизусть, но ведь читать, видеть строчки, написанные его рукой, — совсем другое дело.

...Шло третье лето их романтических отношений. Митя, как всегда, был на сборах. Обещал приехать в августе, если удастся. В Сосновку приехали стройотрядовцы, студенты сельхозинститута. В колхозе начиналось строительство элеватора. Днем ребята работали, а по вечерам приходили в клуб на танцы. Молодежи в ту пору было много, но вечера проходили неинтересно: все с детства знали друг друга, и мало кто из девчонок увлекался своим деревенским пареньком.

Другое дело — студенты! Все оживилось. Наташка познакомилась с Сашей, и после танцев он с другом Сергеем, Наташа и Вера вместе вышли из клуба. Вот так и бродили вчетвером несколько вечеров. Через некоторое время от Мити пришло письмо, короткое: «Прощай, дорогая мне Вера. Здравствуй, новая!..» Видимо, верный Санчо Панса счел нужным проинформировать. На этом их переписка оборвалась. Кончилось лето, студенты уехали. Как-то один из местных ребят вспомнил фразу, якобы брошенную ими: «Хорошие девчонки, но зеленые». Будто это было серьезным недостатком. Поздней осенью пришло письмо от Сергея, но Вера не ответила. Была какая-то душевная пустота.

А дальше годы учебы в пединституте, Вера поступила на филологический факультет. Выбор был predetermined, так как очень любила свою учительницу по русскому языку и литературе Серафиму Анатольевну. Казалось, она знает о классиках все. Ходила по классу, много читала наизусть, давала тот материал, который трудно было где-либо найти. Большинство ребят из класса, даже мальчишки, занимались у нее на факультативе по русскому языку.

Окончила институт Вера с красным дипломом, начала работать в сельской школе в соседнем с Сосновкой районе, хотя ей предлагали другие варианты в городе. Но хотелось уединиться, личная жизнь как-то не складывалась.

Однажды летом была у родителей в Сосновке и случайно в магазине столкнулась с Митей. Растерялись оба. Вера видела, как он покраснел от смущения и неожиданности. Была у него такая особенность. Разговорились, оказывается, он женат и у него растет сын Антошка. Большим спортсменом так и не стал, но нашел себя

на тренерской работе в детском спортивном комплексе. Детей Митя любил, они так и вились вокруг него. К подросткам у Дмитрия Петровича был особый подход. «Я делаю ставку на хулиганов, — говорил он, — они держат мне дисциплину, конечно, нежестко, я их направляю». Главная его заслуга была в том, что он сам мог показать любой элемент в спорте. Ребята это ценили.

Вдруг он предложил: «Давай поедem к Наташке! Ты давно ее видела?» Наташка жила в тридцати километрах от Сосновки, но виделись они редко. У нее — двое детей, муж механизатор, вечно в полях, работа, да еще свекровь больная. Такое вот приданое. А у Веры — работа, работа, работа... и Вера обрадовалась неожиданной возможности повидаться с подругой, а может быть...

Наташка, милая шустрая Наташка удивленно вытаращила на них свои и так безмерно большие голубые глаза:

— А-а-а, откуда это вы? Ой-ой, проходите! Митька, а ты как здесь оказался?

И пошло-поехало. Быстро справились с домашней работой (была суббота — бабья работа), собрали на стол и долго сидели, вспоминали былое. Митя уехал в ночь. Вера вышла его проводить, и они долго стояли обнявшись. Он вбирал в себя запах ее волос, такой знакомый, незабытый, нашел за ушком маленькую родинку... на месте. Не было ни объяснений, ни оправданий. Только ощущение тепла, нежности и чего-то очень, очень родного.

Когда Вера вошла в дом, Наташка сидела на кровати, расчесывая свои длинные волосы.

— Все хочу подстричься, но Витя против, — сказала она. И вдруг без перехода: — Верка! Зачем ты лезешь в его семью?

И в этом вопросе вместе с раздражением прозвучала такая боль и за нее, Веру, и за себя, и за Митю.

Не знала Наташка, что это была их единственная встреча после расставания. Всю ночь Вера проплакала в подушку. Слышала, как вернулся Виктор из своих полей, как Наташка кормила его, и они о чем-то тихо шептались. Утром первым автобусом она уехала домой. А через несколько месяцев пришла трагическая весть: Митя погиб. Погиб случайно, нелепо. Помогал другу строить баню, тот подцепил ломиком бревно, лом сорвался.

И сейчас, и тогда, после их свидания, Вера все думала, стараюсь понять, зачем была ниспослана им эта встреча? Чтобы что? Примирить, изменить что-то или понять, что все так и должно быть?

...Замуж она вышла два года спустя за Сергея, за того самого Сергея. Вера была в городе на курсах повышения квалификации. Зима стояла суровая: то снег каждый день лепил хлопьями и уже не радовал, то ветер леденил душу, проверяя сибиряков на прочность. Она шла по городу, кутаясь в шубу, на главпочтамт, на переговоры с мамой. Навстречу шагали молодые люди и о чем-то живо разговаривали. Один остановился прямо перед ней:

— Вот так встреча! Привет! Ребята, вы дальше без меня, — сказал он своим друзьям и круто развернулся.

Это был Сергей. Все получилось очень быстро. Веру немного отпустило после гибели Мити. Они поженились, Вера переехала в город. Сергей работал главным инженером на одном из предприятий. Был успешен, расчетлив, легок в общении. Так же легко он и ушел от них с дочкой, спустя пять лет. Обиды у Веры не было. Видимо, и она не смогла дать ему чего-то, что необходимо в супружеских отношениях. Препятствовать общению с дочерью Вера не стала. Сумела сохранить ей отца, тем более что они тянулись друг к другу, хоть и виделись редко.

Луна постепенно скатилась за угол соседнего дома. Но небо по-прежнему оставалось сияющим, а звезды стали ярче и озорно подмигивали. Они будто манили к себе, втягивая в круговорот созвездий. Когда-то, еще в Сосновке, Вера облюбовала для себя одну такую смешливую звездочку. Ее хорошо было видно по вечерам с их двора. Тогда она подолгу смотрела на звезду, удивляясь тому, как меняется ее цвет и как легко рядом с ней мечтается. Где ты, моя молчаливая спутница?..

Той весны уже не вернуть,  
Может, ты укажешь мне путь?..

Вера закончила четверостишие и зябко повела плечами. «Еще семь тетрадей», — напомнила она себе и вернулась к столу. Закрывая последнюю тетрадь, Вера улыбнулась: Федя Потехин

(как удивительно он соответствует своей фамилии) долго блуждал по страницам своей тетради в поисках этого самого смысла жизни. И наконец подвел черту: «Жизнь прожить — не поле перейти».

— Не поле перейти... — задумчиво повторила Вера.

Сейчас это прозвучало для нее с особенным смыслом.